

**НЕСОВЕРШЕННОЛЕТИЕ
И ЗАДАЧА
ИСТИННОГО
ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ОБРАЗА
МЫШЛЕНИЯ.
ЧАСТЬ II¹**

А. Н. Круглов*

Оригинальность кантовского ответа на вопрос о Просвещении в статье 1784 года состояла не в самом обращении к словам Горация, в их увязывании с переосмысленным юридическим понятием несовершеннолетия, которое теперь трактуется в философской и теологической перспективе и превращается в одно из важнейших философских понятий. Однако кантовский взгляд несет в себе ряд затруднений: во-первых, в нем доминируют негативные характеристики, а во-вторых, безудержное пользование собственным рассудком может привести к логическому эгоизму (и иным его формам), состоящему в отрицании необходимости проверки собственных суждений при помощи рассудка других.

В «Критике способности суждения» и в «Антропологии...» Кант уточнил собственную позицию, дополнив негативную максиму самостоятельного мышления позитивной максимой мышления себя на месте другого, а также максимой последовательного и согласного с собой мышления. Кроме того, требование самостоятельного мышления ограничивается идеей всеобщего человеческого разума, хотя Кант и не всегда последователен в разделении рассудка и разума в этих вопросах.

Решительная поддержка французской революции, несмотря на признание нелегитимного характера социально-политических революций как таковых, фактически привела Канта к ревизии ранее отстаиваемых им идеалов просвещения. Наблюдающий с откликом в сердце за революционным «экспериментом», Кант отказывался замечать, что видимое им «продвижение к лучшему» представляет собой насильственное «осчастливливание» людей в соответствии с представлениями о счастье тех, кто располагает на тот момент силой, при котором другие люди низводятся до состояния детей или несовершеннолетних, либо же и вовсе слабоумных. Подобные протесты выдвигали некоторые современники Канта, которые удивительным образом оказывались ближе его идеалам середины 80-х годов XVIII века, чем он сам середины 90-х годов XVIII века.

Ключевые слова: Просвещение, несовершеннолетие, образ мышления, революция, разум, рассудок.

¹ В ссылках на работы Канта в статье используются общепринятые в научной литературе сокращения. Более подробную информацию о них читатель может найти по адресу — www.kant-gesellschaft.de/de/ks/HinweiseAutorenSiglen_neu.pdf

* РГГУ, философский факультет
125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6

Поступила в редакцию 20.05.2014 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2014-4-3

© Круглов А. Н., 2014

Виды несовершеннолетия и способы выхода из них

В печатных произведениях и в лекциях после 1784 года Кант не столько старался рассматривать «несовершеннолетие» как некое единое состояние, сколько, скорее, выделял разные его виды, учитывая в том числе и свои более ранние варианты. В лекциях по антропологии он различал «гражданское несовершеннолетие» и некое «набожное несовершеннолетие», или несовершеннолетие в вопросах благочестия. Первое подразумевает незнание законов, по которым осуществляется правление, и «принижает ценность человека» (*Anthropologie Dohna-Wundlacken*, 1924, S. 373). Второе же означает, что «большая часть повинуется Писанию, которое она даже не знает, то есть не знает в той мере, чтобы достаточно понимать его» (*Anthropologie Dohna-Wundlacken*, 1924, S. 373). Средством по выходу из этих состояний является, по Канту, свобода, а именно, гражданская свобода, свобода воспитания и религиозная свобода. В специальном разделе под заголовком «О несовершеннолетии» в этих же лекциях содержится несколько иная классификация: «Несовершеннолетие может касаться: 1) дел, 2) мышления» (*Anthropologie Dohna-Wundlacken*, 1924, S. 148). И если первый вид несовершеннолетия носит юридический характер, связан с физическим возрастом человека и вполне традиционен, то интерпретация несовершеннолетия мышления вызывает некоторое изумление: «О несовершеннолетии в мышлении говорят, если люди ни в малейшей мере не доверяют своему самостоятельному мышлению в религии. (Эти люди всегда думают: я профан. Философ называет их идиотами.)» (*Anthropologie Dohna-Wundlacken*, 1924, S. 148). Таким образом, Кант фактически отождествляет здесь несовершеннолетие в мышлении с религиозным несовершеннолетием.

В более поздней «Антропологии...» Кант выделяет иные виды юридического несовершеннолетия: «Неспособность (естественная или правовая) в остальном здорового человека применять свой собственный рассудок в гражданских делах называется *несовершеннолетием*; если таковая основывается на незрелости возраста, то она называется *малолетством* (*Minorennität*); если же она покоится на законоположениях в отношении гражданских дел, то она может называться *правовым* или *гражданским* несовершеннолетием» (Кант, 1994а, с. 235–236, § 48; *Anth*, AA, VII, S. 208–209, § 48; перевод исправлен по оригиналу). В качестве примеров фигурируют дети, женщины, ученые мужи, миряне и подданные. В отношении мирян позиция Канта не расходится с тем, что им высказывалось в предшествующих лекциях по антропологии. Наибольший же интерес привлекают кантовские замечания политического характера. Во-первых, он признает, что «*превращать* себя в несовершеннолетних, как бы это ни было унижительно, все же очень удобно» (Кант, 1994а, с. 236, § 48; *Anth*, AA, VII, S. 209, § 48; перевод исправлен по оригиналу), и к этому особенно податлива толпа. За нее рассуждают начальники, недостатка в которых не испытывается: «Главы государств называют себя *отцами страны*, ибо они лучше, чем их *подданные*, знают, как сделать этих подданных счастливыми; но народ для своего собственного блага осужден на постоянное несовершеннолетие...» (Кант, 1994а, с. 236, § 48; *Anth*, AA, VII, S. 209, § 48; перевод исправлен по оригиналу).

Если теперь вернуться к статье о Просвещении и посмотреть на нее с точки зрения этих более поздних размышлений, можно констатировать, что в 1784 году, как и в лекциях по антропологии 1990-х годов, явно доминирует религиозный аспект Просвещения: «Я выделил основной момент просвещения, который состоит в выходе людей из возникшего по их собственной вине состояния несовершеннолетия преимущественно в *делах религии*, потому что в отношении наук и искусств наши правители вовсе не заинтересованы в роли опекунов над своими подданными; кроме того, такое несовершеннолетие есть не только наиболее вредное, но и наиболее позорное» (Кант, 1994е, с. 145; WA, AA, VIII, S. 41). Примечательна не только иерархия сфер распространения просвещения — религия, науки и искусства, но и отсутствие в ней политики. Конечно, сама политическая проблематика в статье о Просвещении Кантом стороной не была обойдена — в этой связи необходимо напомнить о его отстаивании свободы «*публично пользоваться своим разумом*», а также связанном с этим принципе «*рассуждайте сколько угодно и о чем угодно, но повинуйтесь!*» (Кант, 1994е, с. 131; WA, AA, VIII, S. 36–37). Но достаточно ли этого для просвещения эпохи и устранения мешающих этому преград?

Некоторые черновые наброски Канта, кстати, в гораздо большей степени включают в список тем и вопросов Просвещения социально-политические вопросы: «Переход... [sic!] из несовершеннолетия к совершеннолетию самый скверный. <...> Человек еще достигнет своего определения в воспитании, религии, способе жизни и гражданском устройстве, равно как и в международном праве» (Refl. 1423, AA, XV, S. 621). Воспитанию, религии и государственному устройству соответствует «троякий вид несовершеннолетия» (Refl. 1423, AA, XV, S. 621). Выход из несовершеннолетия государственного устройства и переход к совершеннолетию в международном праве также трудно представить себе итогом лишь индивидуального просвещения.

Революция образа мышления или социально-политическая революция?

Статья о Просвещении оказалась одной из последних работ Канта, в которых к глубокому философскому и экзистенциальному толкованию революции как истинного преобразования образа мышления не примешивается иное значение революции, которое почти полностью захватило и ослепило Канта после 1789 года. В чем может состоять внутреннее преобразование человека в процессе индивидуального просвещения и от чего оно зависит, — к этим вопросам, затронутым в статье 1784 года, Кант возвращался неоднократно и в «Религии в пределах одного только разума», и в «Антропологии...». На первый взгляд, он дает здесь три разных ответа, однако они являются, скорее, уточнением и углублением одного и того же ответа.

В хронологической последовательности кантовские ответы звучат так. В статье о Просвещении социально-политической революции как замене одних предрассудков для бездумной толпы другими предрассудками противопоставляется «истинное преобразование образа мышления (Denkungsart)» (Кант, 1994е, С. 131; WA, AA, VIII, S. 36). Данное противопоставление было, кстати, прекрасно проиллюстрировано в романе Марка Александровича Алданова (1886–1957) «Девятое термидора» (1921). Молодой русский дипломат Штааль проездом оказывается в Кёнигсберге, где встречает на улице Канта, от которого слышит:

Робеспьер, Дантон... Я думаю, они неплохие люди. Они заблуждаются, только и всего: почему-то вообразили себя революционерами. Разве они революционеры? Они такие же политики, такие же министры, как те, что были до них, при покойном короле Людовике. Немного лучше или, скорее, немного хуже. И делают они почти то же самое, и хотят почти того же, и душа у них почти такая же. Немного хуже или, скорее, немного лучше... Какие они революционеры?

— Кто же настоящие революционеры? — спросил озадаченный Штааль.

— Я, — сказал старик серьезно и равнодушно, как самую обыкновенную и само собой разумеющуюся вещь (Алданов, 2002, с. 59).

Свое необычное утверждение алдановский Кант аргументировал следующим образом: «Это очень распространенное заблуждение, будто во Франции происходит революция... Признаюсь вам, я сам так думал некоторое время и был увлечен французскими событиями. Но теперь мне совершенно ясен обман, и я потерял к ним интерес. Во Франции одна группа людей пришла на смену другой группе и отняла у нее власть. Конечно, можно называть такую смену революцией, но ведь это все-таки несерьезно. Разумеется, я и теперь желал бы, чтоб во Франции создалось правовое государство, более или менее соответствующее идеям Монтескье. Но, согласитесь, это все не то... Почему эти люди не начнут революции с самих себя? И почему они считают себя последователями Руссо?.. Руссо, — сказал он с уважением, — имел в виду совершенно другое»; «Только в моем учении — подлинная революция, революция духа» (Алданов, 2002, с. 59).

В «Религии в пределах одного только разума» Кант указывает иные, более глубокие, нежели предрассудки, причины, делающие необходимым преобразование образа мышления, а именно извращенность, испорченность человеческого сердца, которая хотя и допускает легальные поступки, но делает невозможным поступки моральные, ибо «в самом корне извращает образ мышления (*Denkungsart*) (в том что касается моральной умонстроенности)» (Кант, 1994к, с. 30; RGV, AA, VI, S. 30; перевод исправлен по оригиналу). Кант противопоставляет добродетель по эмпирическому (*virtus phaenomenon*) и по умопостигаемому характеру (*virtus noumenon*). Первая добродетель легальна, опирается на максимум законосообразных поступков, приобретает постепенно, превращаясь даже в привычку, и подразумевает для своего осуществления изменение только в нравах. Вторая же добродетель оказывается исполнением долга «морально добрым (богоугодным) человеком» (Кант, 1994к, с. 50; RGV, AA, VI, S. 47). В отличие от добродетели по эмпирическому характеру она не может являться результатом постепенной реформы, а «должна быть вызвана *революцией* в умонстроенности (*Gesinnung*) человека» (Кант, 1994к, с. 50; RGV, AA, VI, S. 47), невозможной без изменения в сердце человека. Но поскольку человек испорчен и не чист в основании своих максим, преобразование человека возможно только в некотором сочетании: «...Революция необходима для образа мыслей (*Denkungsart*), а для образа чувств (который препятствует ей) необходима постепенная реформа...» (Кант, 1994к, с. 50; RGV, AA, VI, S. 47)¹. Для морального же воспитания, к которому Кант постоянно апеллирует в вопросах индивидуального просвещения, это означает, что начинать следует «не с

¹ Попутно отмечу, что проблема проведения тонкой границы между «*Denkungsart*» и «*Gesinnung*», которые то почти сливаются, то обретают едва уловимые отличия, характерна не только для кантовских текстов. В качестве примера укажу лишь на метафизический компендиум Майера (Meier, 1765, S. 455, § 753).

исправления нравов, а с преобразования образа мыслей и утверждения характера...» (Кант, 1994к, с. 51; RGV, AA, VI, S. 48). В «Антропологии...» в параграфе с характерным заголовком «О характере как образе мыслей» Кант разъясняет: характер означает обладание таким свойством воли, благодаря которому собственное поведение определяется практическими принципами, предписанными себе в качестве неизменных собственным же разумом. Характер есть не свойство природы и не некая данность, а результат работы человека над самим собой; он не имеет ни рыночной, ни аффективной цены, но имеет внутреннюю ценность, которая выше всякой цены (см.: Кант, 1994а, с. 327–328, § 94; Anth, AA, VII, S. 291–292)². На мой взгляд, можно провести некоторые параллели между утверждением характера и избавлением от предрассудков. Даже в случае принятия в качестве принципов ложных и ошибочных максим Кант считает достойным восхищения уже «саму решимость действовать в соответствии с твердыми правилами (а не бросаться из стороны в сторону, подобно рою комаров)...» (Кант, 1994а, с. 328, § 94; Anth, AA, VII, S. 292). Избавление от навязанных опекунами и приобретенных в силу пассивности разума предрассудков также может приводить к новым предрассудкам, однако они, как и характер, руководствующийся ложными принципами, имеют совсем иное качество. Беспорядочное поведение, как и погрязание в навязанных предрассудках оказываются для Канта разными проявлениями несовершеннолетия: «Характер требует в первую очередь, чтобы образовали себе максимы, а затем правила. Но правила, которые не ограничены максимами, являются педантскими, если они ограничивают самого человека, и строптивыми и направленными против общества и общения, если они ограничивают других. Они являются помочами несовершеннолетних» (Ref. 1164, AA, XV, S. 515).

Наконец в «Антропологии...» Кант выражается о внутреннем преобразовании так: «Важнейшая революция во внутреннем мире (Innern) человека — это “выход его из состояния несовершеннолетия, в котором он виноват сам”» (Кант, 1994а, с. 259, § 59; Anth, AA, VII, S. 228, § 59; перевод исправлен по оригиналу). Отказавшись от помочей, человек «осмеливается своими собственными ногами, хотя еще и пошатываясь, продвигаться на почве опыта» (Кант, 1994а, с. 259, § 59; Anth, AA, VII, S. 228, § 59; перевод исправлен по оригиналу). Здесь Кант, быть может, впервые четко проговаривает, что же именно позволяет дерзнувшему освободиться от помочей удержаться на ногах, да еще и избавиться при этом от предрассудков, суеверия и мечтательности: опыт.

Но, начиная с «Критики способности суждения», и в печатных произведениях Канта, и в его общении с современниками наблюдается стремительная смена интереса: если раньше Кант говорил о революции преимущественно в отношении наук, метафизики (см.: Br, AA, X, S. 57, №34; Кант, 1994в, с. 18; KrV, B XV–XVI), образа мыслей, умонастроенности или внутреннего мира человека и лишь изредка обращался к историческим событиям (см.: Ref. 1438, AA, XV, S. 628), то в 1790-е годы под впечатлением французской революции доминирующим у него оказывается довольно плоское социально-политическое значение революции, правда, интерпретируемой им как «знак» исторического прогресса и прогресса в осуществлении естественного права.

² Ср. с иными кантовскими пассажами о цене и достоинстве (Кант, 1997, с. 187; GMS, AA, IV, S. 434–435; V-NR/Feyerabend, AA, XXVII, S. 1319).

Несмотря на тезис о нелегитимности революции с точки зрения права (см.: Кант, 2014, с. 335–337; MS, RL, AA, VI, S. 321–322; Kant, 1993, Refl. 159 (черновые наброски к «Метафизике нравов» в академическом собрании не публиковались); Refl. 8045, AA, XIX, S. 591; Кант, 1994д, с. 309–317; TP, AA, VIII, S. 299–302) и утверждение о том, что политические изменения следует осуществлять не путем революции, а путем реформы (Кант, 2014, с. 427; MS, RL, AA, VI, S. 355), в кантовских сочинениях при желании все же можно отыскать некоторые аргументы, которые при определенных обстоятельствах говорили бы в пользу революции (по крайней мере, после ее начала) (см. об этом: Brandt, 1987, S. 50–56; см. также: OP, AA, XXII, S. 623; Кант, 2014, с. 105; MS, RL, AA, VI, S. 236), а знаменитый пассаж в «Споре факультетов» (1798) гласит: «Революция духовно богатого народа, происходящая в эти дни на наших глазах, победит ли она или потерпит поражение, будет ли она полна горем и зверствами до такой степени, что благоразумный человек, даже если бы он мог надеяться на ее счастливый исход, во второй раз все же никогда бы не решился на повторение подобного эксперимента такой ценой, — эта революция, говоря я, находит в сердцах всех зрителей (не вовлеченных в эту игру) равный их сокровенному желанию *отклик*, граничащий с энтузиазмом, уже одно выражение которого связано с опасностью и который не может иметь никакой другой причины, кроме морального начала в человечестве» (Кант, 1994л, с. 102; SF, AA, VII, S. 85; см. также: Refl. 8077, AA, XIX, S. 604). Более того, Кант был не только переполнен энтузиазмом, или «участием в добре с *аффектом*» (Кант, 1994л, с. 103; SF, AA, VII, S. 86), но и испытывал прямо-таки религиозные чувства: «Когда через газеты было сообщено о провозглашении Французской республики, Кант, который ко всем событиям Французской революции относился с теплым участием, со слезами на глазах сказал нескольким своим друзьям... “Сейчас я могу сказать, как Симеон: Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром, после того как я видел этот день спасения”. Для него во Французскую революцию вплелись все важные устремления человечества, и он надеялся на то, что они, почти потерянные в преступлениях анархии, будут спасены снова при переходе к упорядоченному правительству» (Varnhagen von Ense, 1843, S. 755; в несколько иной редакции: Varnhagen von Ense, 1869, S. 187, 15. August 1854; ср.: Лк. 2: 29–32).

Какие «знаки» (OP, AA, XXII, S. 622) тектонических изменений для всего человечества, его исторического развития и эволюции естественного права Кант видел во Французской революции, об этом приходится в большей степени догадываться (см.: Refl. 8077, AA, XIX, S. 609; Кант, 1994л, с. 105; SF, AA, VII, S. 87). Гораздо более ясно то, чего Кант во Французской революции не видел или не хотел видеть: насильственного «осчастливливания» людей, их инструментализации и их деклассирования до состояния несовершеннолетних.

Кант за границами Просвещения

Одним из важных следствий требования мыслить своим собственным рассудком является следующее положение: определять, в чем состоит счастье, проявлять активность, рисковать, пытаясь добиваться его в соответствии с собственным пониманием, не нарушая таких же попыток других людей, — это задача каждого совершеннолетнего человека, а не его опекунов.

Данную мысль Кант неоднократно формулировал в различных вариантах. Так, в 1793 году Кант заявлял: «...Никто не может принудить меня быть счастливым так, как он хочет (так, как он представляет себе благополучие других людей); каждый вправе искать своего счастья на том пути, который ему самому представляется хорошим, если только он этим не наносит ущерба свободе других стремиться к подобной цели — свободе, совместимой по некоторому возможному общему закону со свободой каждого другого (то есть с таким же правом другого)» (Кант, 1994д, с. 285; TP, AA, VIII, S. 290). Но кто покушается на свободный поиск счастья отдельными людьми? У Канта присутствует несколько подобных примеров. Так, в лекциях по естественному праву он задает аналогичный вопрос и дает на него ответ следующим образом: «Какое право правитель имеет заботиться о безопасности народа? Это лишь несовершенный долг. Его совершенной обязанностью является забота о безопасности своего народа. Подданные же впоследствии сами могут подумать о собственном счастье. Он не должен превращать их в несовершеннолетних: он правит не детьми, а гражданами; поэтому каждый может сам позаботиться о собственном счастье» (V-NR/Feyerabend, AA, XXVII, S. 1385). А во все той же статье о теории и практике Кант даже выделяет в этой связи особый тип правления: «Правление, которое зиждилось бы на принципе благоволения народу, подобном благоволению *отца* своим детям, иначе говоря, *правление отеческое* (*imperium paternale*), при котором подданные, как несовершеннолетние дети, неспособные различать, что для них на деле полезно, а что вредно, принуждены оставаться сугубо пассивными, ожидая от главы государства суждение о том, как им *надлежит* быть счастливыми, и предоставляя это суждение его милостивому соизволению, — такое правление есть величайший *деспотизм*, какой только можно себе представить (такое устройство, при котором уничтожается всякая свобода подданных, не имеющих в таком случае никаких прав)» (Кант, 1994д, с. 285; TP, AA, VIII, S. 290–291; перевод исправлен по оригиналу; ср. также: Кант, 2014, с. 319, § 49; MS, RL, AA, VI, S. 316–317, § 49). Казалось бы, позиция Канта выражена четко и недвусмысленно. Однако в обоих приведенных примерах на самостоятельный поиск людьми их счастья покушается правитель-монарх, и именно это Кант решительно отвергает. Но как быть в том случае, если насильно «осчастливить» возжелают французские революционеры? Боюсь, тогда это будет «особый случай», а именно осуществление замысла природы, прогресс в истории и прочие «важные устремления человечества». Ссылаясь же на свои права и представления, мы встаем на пути Просвещения, а «вообще отказаться от него для себя самого и тем более для последующих поколений означает нарушение и попрание священных прав человечества» (Кант, 1994е, с. 139–141; WA, AA, VIII, S. 39).

Тот факт, что в процессе французской революции не столько новое государство начинает выглядеть в соответствии с категорическим императивом (то есть каждое государственное звено предстает не только средством, но и целью [см.: Кант, 2001, с. 565–567 прим., § 65; KU, AA, V, S. 375 Anm., § 65]), сколько люди низводятся до голого средства, предательски выдает кантовский язык, и остается только недоумевать, почему Кант этого не заметил. Как свидетельствует биограф Рейнгольд Бернард Яхман (1767–1843), лично знавший философа, Кант рассуждал о революции во Франции по аналогии с естествознанием: «Кант рассматривал Французскую революцию в качестве эксперимента и не считал сомнительным занимать ею свои мысли

в качестве истинного патриота» (Jachmann, 1993, S. 154). По всей видимости, «Спор факультетов», в котором Кант пишет как об «эксперименте», так и о своей роли зрителя, «наблюдателя» (Кант, 1994л, с. 102; SF, AA, VII, S. 85), являлся не единственным источником такого рода свидетельств. Знакомые Канта, вероятно, неоднократно слышали подобные выражения из его уст. Не только Яхман, но и Теодор Готлиб Гиппель (1741–1796) говорит в этих выражениях, проясняя кантовскую точку зрения на революцию: «Для друга свободы мысли и слова — в ее разумных границах — французская революция была ужасом. Особенно ему [Гиппелю] служило предметом самого горького сарказма высказывание Канта о том, что французская революция есть эксперимент, осуществляемый с человеческим родом, и он дословно говорил за своим семейным столом: “Прекрасный экспериментик, при котором убивается королевская семья, а головы самых благородных людей летят тысячами”» (Hippel, 1835, S. 275)³. Что позволяло Канту в его внешних наблюдениях абстрагироваться до такой степени, при которой стирается грань между людьми и их плотью и обычными физическими телами, остается для меня загадкой. Сходным с Гиппелем образом как о «становящейся все более омерзительной французской революции, при которой собственная свобода разума, и моральность, и всякое мудрое искусство управления государством, и законодательство самым позорным образом попираются ногами» (Biester, 1922, S. 456, №596), высказывался и Иоганн Эрих Бистер (1749–1816): «Конечно, отрезание голов (особенно если заставляют это делать других) легче, нежели сильное и мужественное противостояние разумных и правых оснований против деспота, будь то султан или же деспотическая толпа; но до сих пор я вижу у французов только те относительно легкие операции кровавых рук, а не испытующего разума» (Biester, 1922, S. 456, №596). Все это, однако, мало могло поколебать «очень благосклонное» отношение Канта к Французской революции.

Наконец, последний пункт затрагивает весьма чувствительный момент, связанный не только с превращением взрослых людей в ходе революции или на войне в несовершеннолетних, но и с тем не критическим отношением к Фридриху Великому, которое нашло свое яркое выражение в кантовской статье 1784 года. Называя свое столетие «веком Просвещения, или веком *Фридриха*» (Кант, 1994е, с. 143; WA, AA, VIII, S. 40), Кант вновь демонстрирует, что имеет в виду, главным образом, вопросы религии, а не политики. Именно Фридрих Великий с небольшими паузами провоевал весь свой период правления, причем в значительной мере по собственной инициативе, однако автор трактата «К вечному миру» упорно не желал принимать это во внимание. Что остается на войне от кантовских призывов, девизов и максим и в кого на войне превращаются люди — этот вопрос кенигсбергский философ себе задавать, похоже, тоже не желал. Но некоторые современники Канта поступали иначе, не отворачиваясь от этих неприятных вопросов. Я остановлюсь в этой связи на одном, хотя и, пожалуй, самом важном примере. Столкнувшись с ближайшим последствием Французской революции — революционной войной, Тетенс, в отличие от Канта, не был преисполнен энтузиазма, а, напротив, пришел в ужас: вспоминая о «реках пролитой крови» и жутких «декламациях о свободе и правах человека», вы-

³ Все тот же Гиппель говорил: «Превосходные ученые (если речь заходила о Канте и Краусе), достойные уважения мужи, но не способны управлять страной, деревней, да даже и курятником — даже курятником» (Hippel, 1835, S. 275).

званных это кровопролитие (Tetens, 1802, S. IV), он не видит для этой «самой ужасной из всех войн по поводу разногласия во мнениях, которые знает история» (Tetens, 1802, S. III), никакого оправдания. Справедливой является лишь война ради сохранения своего государства. Если же в качестве справедливых причин для войны «выставляют так называемые *высшие цели человечества*, процесса цивилизации, введение лучшей культуры, облагораживание человечества, принесение свободы и равенства и т. п., то возникает непреодолимое желание, чтобы здравый человеческий рассудок оберег бы Европу от новых испытаний подобными теориями. Былые религиозные войны были ведь куда как благороднее, ибо желали навязать народам царствие небесное, с которым не может сравниться ни свобода, ни культура, ни гуманность. Опасна максима “считать себя вправе то, что было, правильно или неправильно, воспринято как *доброе и полезное, навязывать другим*, не распознавшим этого, вопреки их воле и стремлению, если имеют для этого власть”. А именно, *другим самостоятельным (selbstthätigen)* людям, над которыми не имеют власти как над подданными или которых нельзя рассматривать и с которыми нельзя обходиться как с детьми или несовершеннолетними (Unmündige), либо же как со слабоумными и бешеными» (Tetens, 1802, S. 32–33 Anm.)⁴. Эта максима наряду с принципом революционной войны, согласно которому всеобщее благо позволительно осуществлять с несправедливостью по отношению к отдельному человеку, внесла, согласно Тетенсу, наибольший вклад в то, «чтобы отравить в своей внутренней сути самые благородные порывы всеобщего благосостояния и человеческого счастья, и в то, чтобы превратить всеобщий дух в принцип изменения, революционного преобразования, беспорядка и разрушения» (Tetens, 1802, S. 33–34 Anm.). Вряд ли случайным оказывается и тот факт, что Тетенс, в отличие от Канта, в качестве образцов правителя в век Просвещения указывает вовсе не на Фридриха Великого, а на Екатерину Великую и на Иосифа II (см.: Tetens, 1777, S. 684, 782).

Казалось бы, ни Бистер, ни Тетенс не говорят чего-то выходящего за рамки немецкого Просвещения 80-х годов XVIII века — Кант и сам неоднократно высказывался подобным образом. Но Французская революция оказала на Канта такое искажающее воздействие, что в этих возражениях и критических замечаниях он, кажется, уже не узнавал свою собственную позицию, которую долгие годы отстаивал с точки зрения идеалов Просвещения: недопустимость «осчастливливания» и сведения себя к одному лишь средству в руках других, мышление своим собственным рассудком, действие в качестве совершеннолетнего. Современники Канта разговаривали с ним на его же или на сходном с ним языке: так, и Кант, и Тетенс говорили о «совершеннолетних» и «детях» в политике; Кант настаивал на пользовании своим собственным рассудком/разумом, а Тетенс призывал: «*Человек, повышай твою внутреннюю самостоятельность*» (Tetens, 1777, S. 650), стремись к тому, чтобы «превращать себя в самостоятельного человека» (Tetens, 1777, S. 703). Однако Кант столь стремительно эволюционировал за границы Просвещения, что по крайней мере одной ногой уже успел покинуть

⁴ Еще ранее, в 1777 году, Тетенс отмечал «оскорбление человечности» при закабалении европейцами народов вновь открытых земель, которых рассматривали как «несовершеннолетних детей», обнаруживая при этом за произносимыми декларациями лишь «право сильного» как «принцип непросвещенной алчности» (Tetens, 1777, S. 689–690).

его поле, а поэтому понимания не складывалось. В результате в эти поздние годы некоторые современники Канта удивительным образом оказывались ближе его идеалам середины 80-х годов XVIII века, чем он сам в середине 90-х годов того же столетия.

Изменения, произошедшие в философских взглядах Канта, наложили драматический отпечаток и на его личность. По свидетельству современников, Кант «не признавал никаких еретиков, никаких сект по вопросу веры, которые были бы для него недостойными, или которые он не мог выносить. Он говорил и дискутировал с каждым, не испытывал нерасположения в адрес какой-либо секты по вопросу веры... Однако обсуждения политических тем нравились ему больше всего. <...> Французская революция пробудила в этом отношении у него живейший интерес. И только относительно нее он иногда забывался вплоть до вспыльчивости. Если он однажды составлял себе мнение по политическому вопросу, то было тяжело или почти невозможно подвинуть его к изменению мнения. В этом его непреклонность заходила настолько, что ему можно было в качестве опровержения приводить даже *факты*, без того чтобы, по меньшей мере сразу и навсегда, его удалось отговорить от того, что он вбил себе в голову» (Immanuel Kant's Biographie, 1804, S. 179–180; ср.: Rink, 1805, S. 108). Один из первых биографов Канта Эрегот Андреас Кристоф Васиански (1755–1831) в связи с этим замечает, что «его друзья были уступчивы, чтобы не противоречить...» (Wasianski, 1993, S. 199). Другой биограф, Людвиг Эрнст Боровски (1740–1831), рисует следующую картину: Кант «не обращал внимание на различия сословия, возраста и особенно конфессии, пренебрегал различиями в мнениях по политическим событиям (только в отношении Французской революции он неохотно видел полное отличие от *своего* взгляда)» (Borowski, 1993, S. 52); «Одному значимому мужу, который, как об этом было известно, думал о Французской революции совершенно иначе, чем он, Кант сразу же сказал, как только разговор за столом затронул эту тему: “Я думал, мы совсем не говорим об этом”, и перевел разговор на совершенно другую тему» (Borowski, 1993, S. 55–56). А вот как это выглядело у тех, кто по-прежнему оставался верен идеалам Просвещения. В 1792 году бывший коллега Тетенса по университету Киля яacobинец Карл Фридрих Крамер (1752–1807) прибыл в Копенгаген, и один из современников свидетельствовал: «Крамер здесь и, несмотря на всю эксцентричность, несмотря на все его яacobинство, чрезвычайно интересен и достоин любви. Все были настроены против него; но он сразу всех сумел покорить. Он живет в доме Тетенса — северный и южный полюс никогда не были столь близки друг к другу. Он рассказывает о Франции так, как только это кто-нибудь и может вне пределов Франции. Наши дебаты зачастую кровавые — лишь сам интерес общий» (Baggesen, 1910, S. 125).

Таким образом, с определенного времени Кант больше не был готов обходиться с аргументами и возражениями на них в отношении Французской революции привычным для себя образом, не желал смотреть на это событие в том числе взглядом своих оппонентов, не хотел, мысля, ставить себя на место другого и не был в восторге, когда другие мыслили по этому вопросу своим собственным рассудком, но отличным от него образом. Тем самым Кант в соответствии с собственными же масштабами оказался не вполне терпимым и частично нарушил те истинные ценности Просвещения, за которые до того момента боролся. Он больше не желал искать —

теперь он считал, что уже нашел, причем, что особенно трагично, нашел окончательно. Как только речь заходила о французской революции, Кант больше не желал «философствовать», а начинал «учить философии». И я думаю, что именно в этих судьбоносных переменах можно было бы поискать корни многих мерзостей современной общественной и политической жизни, столь далекой от Просвещения — в частности, идеологически мотивированного игнорирования фактов, ослепления пресловутым «прогрессом», нежелания слушать и слышать другого, а также растлевающего господства лицемерия и двойных стандартов.

Список литературы

1. Алданов М. А. Девятое термидора // Алданов М. А. Мыслитель: Девятое термидора. Чертов мост. Заговор. Святая Елена, маленький остров. Тетралогия. М., 2002.
2. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Собрание сочинений : в 8 т. / под ред. А. В. Гулыги. М., 1994а. Т. 7.
3. Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Собрание сочинений на немецком и русском языках / под ред. Б. Тушлинга, Н. В. Мотрошиловой. М., 2001. Т. 4.
4. Кант И. Критика чистого разума. М., 1994в.
5. Кант И. Метафизика нравов. Ч. 1. Метафизические первоначала учения о праве // Собр. соч. на немецком и русском языках. Т. 5. Ч. 1. М., 2014.
6. Кант И. О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» // Кант И. Собрание сочинений на немецком и русском языках / под ред. Б. Тушлинга, Н. В. Мотрошиловой. М., 1994д. Т. 1.
7. Кант И. Основоположение к метафизике нравов // Кант И. Собрание сочинений на немецком и русском языках / под ред. Б. Тушлинга, Н. В. Мотрошиловой. М., 1997. Т. 3.
8. Кант И. Ответ на вопрос: что такое просвещение? // Кант И. Собрание сочинений на немецком и русском языках / под ред. Б. Тушлинга, Н. В. Мотрошиловой. М., 1994е. Т. 1.
9. Кант И. Письмо к И. Г. Ламберту от 31 декабря 1765 г. // Кант И. Собрание сочинений : в 8 т. / под ред. А. В. Гулыги. М., 1994ж. Т. 8.
10. Кант И. Религия в пределах только разума // Кант И. Собрание сочинений : в 8 т. / под ред. А. В. Гулыги. М., 1994к. Т. 7.
11. Кант И. Спор факультетов // Кант И. Собрание сочинений : в 8 т. / под ред. А. В. Гулыги. М., 1994л. Т. 7.
12. *Anthropologie Dohna-Wundlacken* // Die philosophischen Hauptvorlesungen Immanuel Kants Nach den neu aufgefundenen Kollegheften des Grafen Heinrich zu Dohna-Wundlacken / hrsg. von A. Kowalewski. München ; Leipzig, 1924.
13. *Baggesen J.* Brief an Herzog Friedrich Christian vom 7. September 1792 // Timoleon und Immanuel. Dokumente einer Freundschaft. Briefwechsel zwischen Friedrich Christian zu Schleswig-Holstein und Kens Baggesen / hrsg. von H. Schulz. Leipzig, 1910.
14. *Biester J. E.* Brief an Kant vom 5. Oktober 1793 // Kant's Gesammelte Schriften / hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Berlin, 1922. Bd. 11.
15. *Borowski L. E.* Darstellung des Lebens und Charakters Immanuel Kant's. Königsberg, 1804. ND: Immanuel Kant. Sein Leben in Darstellungen von Zeitgenossen. Die Biographien von L. E. Borowski, R. B. Jachmann und E. A. Ch. Wasianski / hrsg. von F. Gross ; mit einer Einleitung von R. Malter. Darmstadt, 1993.
16. *Brandt R.* Zum „Streit der Fakultäten“ // Brandt R., Stark W. (Hg.) Neue Autographen und Dokumente zu Kants Leben, Schriften und Vorlesungen. Hamburg, 1987.
17. *Hippel Th. G. von.* Selbstbiographie // Hippel Th. G. von. Sämtliche Werke. Berlin, 1835. Bd. 12. ND: Berlin, 1978.
18. *Immanuel Kant's Biographie.* Leipzig, 1804. Bd. 1.

19. *Jachmann R. B.* Immanuel Kant geschildert in Briefen an einen Freund. Königsberg, 1804. Königsberg, 1804. ND: Immanuel Kant. Sein Leben in Darstellungen von Zeitgenossen. Die Biographien von L. E. Borowski, R. B. Jachmann und E. A. Ch. Wasianski / hrsg. von F. Gross ; mit einer Einleitung von R. Malter. Darmstadt, 1993.
20. *Kant I.* Anthropologie in pragmatischer Hinsicht // Kant's Gesammelte Schriften / hrsg. von der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. Berlin, 1917. Bd. 7.
21. *Kant I.* Beantwortung der Frage: Was ist Aufklärung? // Kant's Gesammelte Schriften / hrsg. von der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. Berlin, 1923a. Bd. 8.
22. *Kant I.* Brief an J. H. Lambert vom 31. Dezember 1765 // Kant's Gesammelte Schriften / hrsg. von der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. Berlin, 1922. Bd. 10.
23. *Kant I.* Der Streit der Facultäten // Kant's Gesammelte Schriften / hrsg. von der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. Berlin, 1917a. Bd. 7.
24. *Kant I.* Die Religion innerhalb der Grenzen der bloßen Vernunft // Kant's Gesammelte Schriften / hrsg. von der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. Berlin, 1914a. Bd. 6.
25. *Kant I.* Grundlegung zur Metaphysik der Sitten // Kant's Gesammelte Schriften / hrsg. von der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. Berlin, 1911a. Bd. 4.
26. *Kant I.* Kritik der reinen Vernunft // Kant's Gesammelte Schriften / hrsg. von der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. Berlin, 1911b. Bd. 3.
27. *Kant I.* Kritik der Urteilskraft // Kant's Gesammelte Schriften / hrsg. von der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. Berlin, 1913a. Bd. 5.
28. *Kant I.* Metaphysik der Sitten. Rechtslehre // Kant's Gesammelte Schriften / hrsg. von der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. Berlin, 1914b. Bd. 6.
29. *Kant I.* Opus postumum // Kant's Gesammelte Schriften / hrsg. von der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. Berlin, 1936. Bd. 21.
30. *Kant I.* Opus postumum // Kant's Gesammelte Schriften / hrsg. von der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. Berlin, 1938. Bd. 22.
31. *Kant I.* Refl. 456, 1164, 1206, 1423, 1438, 1482 // Kant's Gesammelte Schriften / hrsg. von der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. Berlin, 1923r. Bd. 15.
32. *Kant I.* Refl. 159 // Stark W. Nachforschungen zu Briefen und Handschriften Immanuel Kants. Berlin, 1993.
33. *Kant I.* Refl. 8045, 8077, 8077 // Kant's Gesammelte Schriften / hrsg. von der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. Berlin, 1934. Bd. 19.
34. *Kant I.* Über den Gemeinspruch: Das mag in der Theorie richtig sein, taugt aber nicht für die Praxis // Kant's Gesammelte Schriften / hrsg. von der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. Berlin, 1923d. Bd. 8.
35. *Meier G. F.* Metaphysik. Halle, 1765. Bd. 3.
36. *Naturrecht Feyerabend // Kant's Gesammelte Schriften / hrsg. von der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. Berlin, 1979. Bd. 27.*
37. *Rink F. Th.* Ansichten aus Immanuel Kant's Leben. Königsberg, 1805.
38. *Tetens J. N.* Betrachtungen über die gegenseitigen Befugnisse der kriegführenden Mächte und der Neutralen auf der See. Kiel, 1802.
39. *Tetens J. N.* Philosophische Versuche über die menschliche Vernunft und ihre Entwicklung. Leipzig, 1777. Bd. 2.
40. *Varnhagen von Ense K. A.* Kant's Leben, von Schubert. 1842. Aus einem Brief an ** in** // Varnhagen von Ense K. A. Denkwürdigkeiten und vermischte Schriften. Leipzig, 1843. Bd. 5.
41. *Varnhagen von Ense K. A.* Tagebücher. Aus dem Nachlaß Varnhagen's von Ense. Leipzig, 1869. Bd. 11.
42. *Wasianski E. A. Chr.* Immanuel Kant in seinen letzten Lebensjahren. Ein Beytrag zur Kenntniß seines Charakters und häuslichen Lebens aus dem täglichen Umgange mit ihm. Königsberg, 1804. ND: Immanuel Kant. Sein Leben in Darstellungen von Zeitgenossen. Die Biographien von L. E. Borowski, R. B. Jachmann und E. A. Ch. Wasianski / hrsg. von F. Gross ; mit einer Einleitung von R. Malter. Darmstadt, 1993.

Об авторе

Алексей Николаевич Круглов — д-р филос. наук, проф. кафедры истории зарубежной философии философского факультета Российского государственного гуманитарного университета, akrouglov@mail.ru

IMMATURITY AND THE TASK OF A TRUE REFORM
IN WAYS OF THINKING. PART II

A. N. Krouglov

The originality of Kant's answer to the question of the Enlightenment in a 1784 article consisted not in addressing the words of Horace, but in linking it to the revised legal notion of immaturity, which is now interpreted from the philosophical and theological perspective and has become one of key philosophical notions. However, Kant's view is fraught with certain complications: firstly, it is dominated by negative characteristics; secondly, unlimited use of one's understanding can lead to logical egoism (and other forms thereof) consisting in denying the necessity of verifying one's judgements with the help of the understanding of others.

In the Critique of Judgement and Anthropology, Kant describes his position in more detail supplementing the negative maxim of independent thinking with a positive maxim of thinking oneself in the position of others and the maxim of consistent and coherent thinking. Moreover, the requirement of independent thinking is limited by the idea of universal human reason, although Kant is not always consistent in distinguishing between reason and understanding in this context.

Unstinting support for the French revolution, despite acknowledging the illegitimate nature of social and political revolutions per se, made Kant revise the ideals of enlightenment, which he pursued earlier. It affected even the philosopher's attitude to his contemporaries. Observing the revolutionary "experiment" with an open heart, Kant refused to notice that the apparent "progress" is the forcible "happy-making" of people in accordance with the idea of happiness promoted by those in power at the moment, whereas the others are reduced to the position of children or the immature, or even the mentally challenged. Such protests were voiced by some of Kant's contemporaries, who were closer to his ideals of the 1780s than he himself in the mid-1890s.

Key words: enlightenment, immaturity, ways of thinking, revolution, reason, understanding.

References

1. Aldanov, M. A. 2002, Devyatoe termidora [The Ninth Thermidor]. In: Aldanov, M. A. *Myslitel'. Tetralogiya* [The Thinker, a tetralogy]. Moscow.
2. Kant, I. 1994a, Antropologiya s pragmaticheskoi tochki zreniya [Anthropologie in pragmatischer Hinsicht]. In: Kant, I. *Sobranie sochinenii*, 8 Vols. [Works in 8 volumes], ed. by A. V. Gulyga. Vol. 7. Moscow.
3. Kant, I. 2001, Kritika sposobnosti suzhdeniya [Kritik der Urteilskraft]. In: Kant, I. *Sobranie sochinenii na nemetskom i russkom yazykakh* [Works on German and Russian languages], ed. by B. Tuschling, N. W. Motroschilowa. Vol. 4. Moscow.
4. Kant, I. 1994b, Kritika chistogo razuma [Kritik der reinen Vernunft]. Moscow.
5. Kant, I. 2014, Metafizika nravov [Metaphysik der Sitten]. Vol. 1. *Metafizicheskie pervonachala ucheniya o prave* [Metaphysische Anfangsgründe der Rechtslehre]. In: Kant, I. *Sobranie sochinenii na nemetskom i russkom yazykakh* [Works on German and Russian languages], ed. by B. Tuschling, N. W. Motroschilowa. Vol. 5. Part 1. Moscow
6. Kant, I. 1994d, O pogovorke „Mozhet byt', eto i verno v teorii, no ne goditsya dlya praktiki“ [Über den Gemeinspruch: Das mag in der Theorie richtig sein, taugt aber nicht für die Praxis]. In: Kant, I. *Sobranie sochinenii na nemetskom i russkom yazykakh* [Works on German and Russian languages], ed. by B. Tuschling, N. W. Motroschilowa. Vol. 1. Moscow.

7. Kant, I. 1997, *Osnovopolozhenie k metafizike нравов* [Grundlegung zur Metaphysik der Sitten]. In: Kant, I. *Sobranie sochinenii na nemetskom i russkom yazykakh* [Works on German and Russian languages], ed. by B. Tuschling, N.W. Motroschilowa. Vol. 3. Moscow.
8. Kant, I. 1994e, *Otvet na vopros: chto takoe prosveshchenie?* [Beantwortung der Frage: Was ist Aufklärung?]. In: Kant, I. *Sobranie sochinenii na nemetskom i russkom yazykakh* [Works on German and Russian languages], ed. by B. Tuschling, N.W. Motroschilowa. Vol. 1. Moscow.
9. Kant, I. 1994ж, *Pis'mo k Lambertu ot 31 dekabrya 1765* [Letter to Lambert, 31.12.1765]. In: Kant, I. *Sobranie sochinenii*, 8 Vols. [Works in 8 volumes], ed. by A.V. Gulyga. Vol. 8. Moscow.
10. Kant, I. 1994к, *Religiya v predelakh tol'ko razuma* [Die Religion innerhalb der Grenzen der bloßen Vernunft]. In: Kant, I. *Sobranie sochinenii*, 8 Vols. [Works in 8 volumes], ed. by A.V. Gulyga. Vol. 7. Moscow.
11. Kant, I. 1994л, *Spor fakul'tetov* [Der Streit der Fakultäten]. In: Kant, I. *Sobranie sochinenii*, 8 Vols. [Works in 8 volumes], ed. by A.V. Gulyga. Vol. 7. Moscow.
12. *Anthropologie Dohna-Wundlacken 1924*. In: *Die philosophischen Hauptvorlesungen Immanuel Kants Nach den neu aufgefundenen Kollegheften des Grafen Heinrich zu Dohna-Wundlacken*. Hrsg. von A. Kowalewski. München, Leipzig.
13. Baggesen, J. 1910, *Brief an Herzog Friedrich Christian vom 7. September 1792*. In: *Timoleon und Immanuel. Dokumente einer Freundschaft. Briefwechsel zwischen Friedrich Christian zu Schleswig-Holstein und Kens Baggesen*. Hrsg. von H. Schulz. Leipzig.
14. Biester J.E. 1922, *Brief an Kant vom 5. Oktober 1793*. In: *Kant's Gesammelte Schriften*. Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Berlin. Bd. 11.
15. Borowski, L.E. 1993, *Darstellung des Lebens und Charakters Immanuel Kant's. Königsberg, 1804*. In: *Immanuel Kant. Sein Leben in Darstellungen von Zeitgenossen. Die Biographien von L. E. Borowski, R. B. Jachmann und E.A. Ch. Wasianski*. Hrsg. von F. Gross. Mit einer Einleitung von R. Malter. Darmstadt, 1993.
16. Brandt R. 1987, *Zum „Streit der Fakultäten“*. In: Brandt R., Stark W. (Hg.) *Neue Autographen und Dokumente zu Kants Leben, Schriften und Vorlesungen*. Hamburg.
17. Hippel, Th.G. von. 1835, *Selbstbiographie*. In: Hippel, Th.G. von. *Sämmtliche Werke*. Berlin. Bd. 12.
18. *Immanuel Kant's Biographie, 1804*. Leipzig. Bd. 1.
19. Jachmann, R.B. 1993, *Immanuel Kant geschildert in Briefen an einen Freund. Königsberg, 1804. Königsberg, 1804*. In: *Immanuel Kant. Sein Leben in Darstellungen von Zeitgenossen. Die Biographien von L. E. Borowski, R. B. Jachmann und E.A. Ch. Wasianski*. Hrsg. von F. Gross. Mit einer Einleitung von R. Malter. Darmstadt, 1993.
20. Kant, I. 1917, *Anthropologie in pragmatischer Hinsicht*. In: *Kant's Gesammelte Schriften*. Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Berlin. Bd. 7.
21. Kant, I. 1923a, *Beantwortung der Frage: Was ist Aufklärung?* In: *Kant's Gesammelte Schriften*. Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Berlin. Bd. 8.
22. Kant, I. 1922, *Brief an J. H. Lambert vom 31. Dezember 1765*. In: *Kant's Gesammelte Schriften*. Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Berlin. Bd. 10.
23. Kant, I. 1917a, *Der Streit der Fakultäten*. In: *Kant's Gesammelte Schriften*. Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Berlin. Bd. 7.
24. Kant, I. 1914a, *Die Religion innerhalb der Grenzen der bloßen Vernunft*. In: *Kant's Gesammelte Schriften*. Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Berlin. Bd. 6.
25. Kant, I. 1911a, *Grundlegung zur Metaphysik der Sitten*. In: *Kant's Gesammelte Schriften*. Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Berlin. Bd. 4.
26. Kant, I. 1911b, *Kritik der reinen Vernunft*. In: *Kant's Gesammelte Schriften*. Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Berlin. Bd. 3.
27. Kant, I. 1913a, *Kritik der Urteilskraft*. In: *Kant's Gesammelte Schriften*. Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Berlin. Bd. 5.

28. Kant, I. 1914f, *Metaphysik der Sitten. Rechtslehre*. In: *Kant's Gesammelte Schriften*. Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Berlin. Bd. 6.
29. Kant, I. 1936, *Opus postumum*. In: *Kant's Gesammelte Schriften*. Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Berlin. Bd. 21.
30. Kant, I. 1938, *Opus postumum*. In: *Kant's Gesammelte Schriften*. Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Berlin. Bd. 22.
31. Kant, I. 1923r, Refl. 456, 1164, 1206, 1423, 1438, 1482. In: *Kant's Gesammelte Schriften*. Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Berlin. Bd. 15.
32. Kant, I. 1993, Refl. 159. In: Stark, W. *Nachforschungen zu Briefen und Handschriften Immanuel Kants*. Berlin.
33. Kant, I. 1934, Refl. 8045, 8077, 8077. In: *Kant's Gesammelte Schriften*. Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Berlin. Bd. 19.
34. Kant, I. 1923л, *Über den Gemeinspruch: Das mag in der Theorie richtig sein, taugt aber nicht für die Praxis*. In: *Kant's Gesammelte Schriften*. Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Berlin. Bd. 8.
35. Meier, G.F. 1765, *Metaphysik*. Halle. Bd. 3.
36. *Naturrecht Feyerabend 1979*. In: *Kant's Gesammelte Schriften*. Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Berlin. Bd. 27.
37. Rink, F. Th. 1805, *Ansichten aus Immanuel Kant's Leben*. Königsberg.
38. Tetens, J.N. 1802, *Betrachtungen über die gegenseitigen Befugnisse der kriegführenden Mächte und der Neutralen auf der See*. Kiel.
39. Tetens, J.N. 1777, *Philosophische Versuche über die menschliche Vernunft und ihre Entwicklung*. Leipzig. Bd. 2.
40. Varnhagen von Ense, K.A. 1843, *Kant's Leben*, von Schubert. 1842. Aus einem Brief an ** in** In: Varnhagen von Ense, K.A. *Denkwürdigkeiten und vermischte Schriften*. Leipzig. Bd. 5.
41. Varnhagen von Ense, K.A. 1869, *Tagebücher. Aus dem Nachlaß Varnhagen's von Ense*. Leipzig. Bd. 11.
42. Wasianski, E.A. Chr. 1993, *Immanuel Kant in seinen letzten Lebensjahren. Ein Beytrag zur Kenntniß seines Charakters und häuslichen Lebens aus dem täglichen Umgange mit ihm. Königsberg, 1804*. In: *Immanuel Kant. Sein Leben in Darstellungen von Zeitgenossen. Die Biographien von L.E. Borowski, R.B. Jachmann und E.A. Ch. Wasianski*. Hrsg. von F. Gross. Mit einer Einleitung von R. Malter. Darmstadt, 1993.

About the author

Professor Dr. *Alexei N. Krouglov*, Department of Philosophy, Russian State University for the Humanities, Moscow, akrouglov@mail.ru